

робные иллюстрации во весь лист. Но теперь сестра относится к подарку без трепета — книга безжалостно «дорисована» братом. Савраска тащит сани, в которых по верх дров установлен пулемет «максим». Старик-отец, скорбно опустив голову, копает могилу тяжелым заступом, не замечая, что на дне «траншеи» лежат две гранаты-лимонки. Крестьянин Прокл похож на героя Гражданской войны — он перепоясан крест-накрест пулеметными лентами, за поясом у него — револьвер. Его жена Дарья, будто партизанка времен Великой Отечественной, вооружена карабином.

Брат Виктор старше меня на десять лет. «Разве можно рисовать в книгах?» — безмолвно возмущаюсь я. Мне еще неведомо слово «гармония», но я чувствую, что красота разрушена, пусть даже «военная тема» исполнена братом с виртуозным мастерством: он знаток оружия и искусный рисовальщик. И все же насмешка над персонажами поэмы кажется мне почти святотатством. Удивляет, а позже восхищает дерзость брата — нет, я никогда не смогла бы так шутить над смертью!..

Здесь же, на лежанке, книгу Некрасова читала мне мама, а я, отвернувшись к стене, делая вид, что засыпаю, быстро утирала слезы. Жизнь домовитой крестьянской семьи несла зерно надвигающейся трагедии. Дарья, Прокл, их дети Гришутка и Маша, суровый свекор, знахарь, говоривший про больного, что «еще положить под медведя, чтоб тот ему кости размял» — все эти люди были для меня живыми. «Мороз, Красный нос» — не сказка, а первый учебник страдания.

Днем, свернувшись калачиком на лежанке, глядя мурчащего, как трактор, кота, я смотрела на узорчатые, разукрашенные морозными кружевами стекла окон и думала, что не надо настраиваться на какое-то особенное счастье — будет ли оно, нет — это еще вопрос, а вот смерти и потери неизбежны. Это было первое взрослое открытие, сделанное с помощью Некрасова. Мне-то казалось, что Дед Мороз — новогодний волшебник, привозящий на тройке подарки детям. Вон как торжественно про него: «Не ветер бушует над бóром, не с гор побежали ручьи, мороз-воевода дозором обходит владенья свои». А он — великолепный, как зима, царствующая за окном, и безжалостный, как стужа, убивающая птиц и зверей.

Но отчего же поэма казалась мне безусловной правдой? Только ли от детской впечатлительности? В конце концов, там же, на лежанке, была прочитана тонкая книжица Лермонтова с поэмой «Беглец» и сказкой «Ашик-Кериб». Картины из чужой кавказской жизни. Интересно, даже романтично, но не обжигающе достоверно. А тут казалось, будто сама крестьянка Дарья рассказывает свою жизнь перед уходом в морозное небытие. Изумительное, отточенное мастерство стиха, подлинность трагедии, подробность крестьянского быта, наглядность, художественность рисуемых картин, а главное, зримость создаваемых героев — нет, тут никто не мог поспорить с Некрасовым!

Поэма вошла в мою жизнь не как придуманный или сочиненный, а как реально существующий мир. Есть миллионы людей, моих современников, о которых я не имею ни малейшего представления, и они никоим образом не повлияли на меня. А вот Некрасов, как мифически-сказочный Дед Мороз, околдовал с первого знакомства...

Это был первый поэт, глубоко и сильно вошедший в мою душу. Я еще не знала букв, не ходила в школу, из Пушкина запомнила легкое и приятное — «мороз и солнце, день чудесный» — эти стихи читала наизусть мама; ничего неясно было с Богом (икона Пресвятой Богородицы висела в красном углу, украшенная цветастыми, с райскими птицами, набожниками, но церковь в селе была закрыта и превращена в склад минеральных удобрений). Стал ли Некрасов опорой в жизни? Не знаю. Но то, что он повлиял — через столетие — на мою судьбу, теперь, оглядываясь на прошлое, очевидно. Повлиял сильнее, чем многие мои знакомые, друзья, писатели, ученые и даже родственники.